100 ВЕЛИКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ

Виорэль Михайлович Ломов

100 великих судебных процессов

Серия «100 великих»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22515244
Сто великих судебных процессов / В.М. Ломов: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7546-1

Аннотация

У земного суда, как у земли, два полюса. Один полюс – правосудие, справедливый суд над преступниками. Другой – беззаконие, все отвратительное, что есть в любом обществе и в самих судьях, – лживость, корысть, пристрастие. При этом всякий незаслуженный приговор – грех не только на судье или присяжных, но и на извращенном социуме, потерявшем всякие ориентиры в морали и справедливости.

В очередной книге серии рассказывается о ста наиболее знаменитых судебных процессах разных эпох и разных народов, решения и итоги которых, так или иначе, имели историческое значение для судеб мира и всего человечества. Вот лишь несколько из них: суд над Сократом, процесс по делу тамплиеров, суд над Яном Гусом, трибунал над Жанной д’Арк, процесс по делу Джордано Бруно, процесс Галилея, суды над романом Гюстава

Флобера «Госпожа Бовари» и над сборником стихотворений Шарля Бодлера «Цветы зла», суд над «архитектором Холокоста» А. Эйхманом и т.д.

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Содержание

Введение 5
Древний мир 12
Суд Соломона 12
«Право там, где сила» 17
Суд над неправедным судьей 23
Наказание за «обед в пританее» 28
Наместник страшнее чумы 36
«Распни! Распни его!» 46
Средние века 58
Трупный синод 58
Казнь юного короля 64
Процесс по делу тамплиеров 70
Герцог, потерявший голову и имя 79
Конец ознакомительного фрагмента. 80

В.М. Ломов
100 великих судебных процессов

Введение
Два полюса правосудия

Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка,
И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут…
Гесиод

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!»
«Помилуй, – возопил глухой тому в ответ, —

Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

А.С. Пушкин

Сказано «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». (Матф., гл. 7, ст. 2). Сказано для Страшного суда, но и земной суд (суд людской) также имеется в виду.

У земного суда, как у земли, два полюса. Один полюс – правосудие, справедливый суд над преступниками. Другой – беззаконие, все отвратительное, что есть в любом обществе и в самих судьях, – лживость, корысть, пристрастие. При этом всякий незаслуженный приговор – не только грех на судье или присяжных, но и на извращенном социуме, потерявшем всякие ориентиры в морали и справедливости.

Примером истинного суда является суд над детоубийцей Л. Тессновым, когда суд впервые использовал в качестве вещественных доказательств анализ кровяных пятен на одежде убийцы. Случаям же несправедливых судов несть числа. Среди них величайший по неправедности – трибунал над Иисусом Христом. Это суд, оказавший беспрецедентное влияние на ход мирового развития и фактически давший начало новой эры, ответил на три вечных вопроса: «А судьи кто?» (власть), «Кто мы?» (народ), ответы на которые, увы, не украсили ни тех, ни этих; и «Что есть истина?» (Сам

Иисус Христос).

Иногда (увы, очень редко!) неправедный судья получает воздаяние за свои злодеяния еще при жизни, как это случилось в правление персидского царя Камбиса, велевшего содрать с блюстителя закона мздоимца Сисамна кожу и в качестве отрезвляющего напоминания обтянуть ею кресло очередного судьи – Отана, сына Сисамна.

В этой книге рассмотрены сто великих судебных процессов разных времен и разных народов, решения и итоги которых, так или иначе, имели историческое значение для судеб мира и всего человечества. Вот лишь несколько из них: суд над Сократом, процесс по делу тамплиеров, суд над Яном Гусом, трибунал над Жанной д'Арк, процесс по делу Джордано Бруно, процесс Галилея, суды над романом Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» и над «Цветами зла» Шарля Бодлера, суд над «архитектором Холокоста» А. Эйхманом и т. д.

Конечно же, нельзя было упустить и процессы жуликов и авантюристов (Калиостро, Артуро Рейса, Чеслава Боярского и т. д.), биографии которых занимают многих литераторов и читателей. Еще бы – они были гениями криминала. Скажем, Виктор Люстиг дважды продал Эйфелеву башню. Но нас в таких случаях больше интересовали не личность преступников, а юридические казусы, связанные с судами над ними.

Кстати, о литераторах и других деятелях культуры. С ними и их окружением связано много процессов, оставшихся в истории мирового правосудия только благодаря имени ма-

стера и шуму, которым сопровождался суд над любимцем муз. Военный суд над участниками дуэли А. С. Пушкина с бароном Ж. Ш. Геккереном-Дантесом, суд над Оскаром Уайльдом, Соединенные Штаты против книги, именуемой «Улисс», и др. – это самые «безобидные» процессы, поскольку в них нет маньяков и государственных преступников.

Маньякам же (дело о ядах, дело дона Винсенте, процесс Ландрю и др.), как и государственным преступникам (военный суд над убийцами Авраама Линкольна, судебный процесс по делу сараевского покушения на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и др.), также уделено место. Между этими судами есть существенное отличие. Суды над маньяками не пересматривались потомками как неправильные, а вот отношение к судам над политическими и государственными преступниками очень сильно менялось в зависимости от конъюнктуры момента и ангажированности редакторов истории (суд над декабристами, суд над Бейлисом, московские политические процессы 1930-х гг., процесс высших офицеров РККА и т. п.).

Есть очерки о процессах монархов и государственных деятелей – суды над Конрадином и над Марино Фальеро, процессы Марии Стюарт и Карла I Стюарта, трибуналы над Бхутто и над Саддамом Хусейном и т. д. Есть суды над убийцами первых лиц государства – над первомартовцами, Каракозовым, Богровым; над шпионами – Матой Хари, Розенбергами и пр. Не оставлены без внимания и военные преступни-

ки, осужденные Нюрнбергским и Токийским трибуналами.

Очерки выстроены в хронологическом порядке – от X в. до н. э. вплоть до наших дней.

Одни суды интересны борьбой обвинения и защиты, другие – следствием (оно входит как составная часть в судебный процесс), третьи – судьбой фигурантов и т. д. К сожалению, далеко не все материалы судов доступны, поэтому я описал те моменты процессов, которые мне представляются наиболее заслуживающими внимания.

В книге нет судов скандальных, как, скажем, над Дантоном или Бабёфом, поскольку они являются очередным политическим сведением счетов и никакого значения для развития суда не дали.

Нет и таких судов, какой произошел, например, в 1978 г. в Колорадо (США). Местная телекомпания подала иск на диван – за то, что на диване телезрители спали, а не смотрели телепередачи. Хотя я не удержался и поместил материал о судах над животными за преступления, совершенные ими против людей, в качестве образца, типичного для европейского и американского правосудия.

Для очень многих персонажей этой книги, волею судеб оказавшихся по разные стороны судейской кафедры, безразлично, судят они или судят их, со щитом они или на щите, т. к. даже тем, кто уже сгорел на огне, все равно еще предстоит гореть в огне вечном.

13 очерков – «Где правда, а где ложь?», «Покушение у

ворот Летнего сада», «Первомартовцы», «Парадоксальные процессы по делу капитана Дрейфуса», «Самый таинственный процесс», «Дело Бейлиса», «Московские политические процессы 1930-х гг.», «Суд над высшими офицерами РККА», «Нефть и фантазеры», «Добрый дедушка Мандела», «Под именем Холден Колфилд, или Самый мистический процесс», «Процесс, похожий на трагифарс», «Бог троицу любит (процессы Майкла Джексона)» – написаны Виктором Ереминым.

Выражаю горячую признательность за огромную помощь писателю Виктору Еремину, моей жене Наиле, дочери Анне и редакторам издательства «Вече» Сергею Дмитриеву и Николаю Смирнову.

P.S. Чтобы понять цену одной судейской ошибки, которая может перечеркнуть дюжину справедливых приговоров, приведу «Эпитафию, написанную Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы», в переводе И. Г. Эренбурга.

Ты жив, прохожий. Погляди на нас.
Тебя мы ждем не первую неделю.
Гляди – мы выставлены напоказ.
Нас было пятеро. Мы жить хотели.
И нас повесили. Мы почернели.
Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать – безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.

Взглянул и помолись, а Бог рассудит.
Дожди нас били, ветер тряс и тряс,
Нас солнце жгло, белили нас метели.
Летали вороны – у нас нет глаз.
Мы не посмотрим. Мы бы посмотрели.
Ты посмотри – от глаз остались щели.
Развеет ветер нас. Исчезнет след.
Ты осторожней нас живи.
Пусть будет твой путь другим.
Но помни наш совет:
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.
Господь простит – мы знали много бед.
А ты запомни – слишком много судей.
Ты можешь жить – перед тобою свет,
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.

Древний мир

Суд Соломона

Начать книгу с суда праведного, краеугольного камня правосудия, сам Бог велел. О суде Соломона, как некоем эталоне мудрого, правого и скорого суда, говорят без малого три тысячи лет.

Третий царь Израильско-Иудейского государства Соломон (Шломо – от евр. «мирный», «благодатный»; ок. 965–928 г. до н. э.) признается и ныне величайшим «солнцеподобным» мудрецом, творцом «золотого века» Израиля. По Библии, страна в правление Соломона процветала. Только одного золота монарх получал в год 666 талантов (свыше 30 т) – для небольшого государства это фантастическое количество. Недаром «три шестерки» стали заветным числом идолопоклонников.

Царь – это законодатель, высший правитель и судья людям, и именно по его судейским делам о нем судят как о праведном или, напротив, неправедном государе.

Чаще всего библейскую историю о двух женщинах и младенце пересказывают своими словами, но все же лучше процитировать короткий, как и сам суд, отрывок из Священного Писания:

«Тогда пришли две женщины блудницы к царю и стали пред ним.

И сказала одна женщина: о, господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме;

на третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две были в доме;

и умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди;

утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот, он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила.

И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так пред царем.

И сказал царь: эта говорит: мой сын живой, а твой сын мертвый; а та говорит: нет, твой сын мертвый, а мой сын живой.

И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от

жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она – его мать.

И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд».

(Третья книга Царств, гл. 3, ст. 16–28)

Суд Соломона. Гравюра Г. Доре

Какой разительный контраст суду современному, долгому, погрязшему в макулатуре дел, показаниях свидетелей и словах участников процесса, часто безучастных к выявлению истины и к судьбе осуждаемых! Недаром суд Соломона был запечатлен на фресках и в живописных полотнах Рафаэлем, Н. Пуссеном, Рубенсом, Г. Доре, К. Флавицким, Н. Ге и др., стал фольклорным сюжетом многих народов мира. В России XVI–XVII вв., например, было множество лубочных картинок и рукописных сборников нравоучительной литературы на эту тему, а в мире выражение «Соломонов суд» стало крылатым.

Соломон наглядно показал изначальный и единственный смысл суда – справедливость, для чего собственно только и пишутся законы. Гладко на бумаге, а вот в жизни закон часто бывает «дышлом», отчего и возникла расхожая фраза «А судьи кто?» (А. С. Грибоедов). Вопрос непраздный, т. к. именно судья наделен правом «казнить или миловать» – не только по прениям сторон, но и по своей совести.

«Право там, где сила»

Судебный процесс за раздел имущества между двумя братьями стал основой и поводом для написания древнегреческим поэтом Гесиодом поэмы «Труды и дни». С тех пор свершилось множество похожих судов. Правда, все они остались в архивах судов и в короткой памяти потомков, а этот – в великом произведении мировой литературы.

За одно лишь это тяжбу меж Гесиодом и Персом можно причислить к великим судебным процессам человечества. Если не считать легендарного описания суда ахейцев в «Илиаде» Гомера, это был первый, зафиксированный в художественной литературе случай гражданского суда.

σ

ΗΣΙΟΔΟΥ ΤΟΥ
ΑΣΚΡΑΙΟΥ ΕΡΓΑ ΚΑΙ
ΗΜΕΡΑΙ.

Μοῦσαι πιερίηθεν ἀοιδῇσι κλείουσαι,
Δεῦτε δι' ἐμ' γενέτην σφέτερον πατέρ' ὑμνήσασαι,
Οὗτε δι' ἐν βροτοὶ ἄνδρες ὁμῶς ἄφατοί τε φατοί τε,
Ρητοί τ' ἄρρητοί τε (Διὸς μεγάλου ἐκ κλέος)
Ῥεῖα μὲν γὰρ βριάει, ῥεῖα δὲ βριάοντα χαλέπτει,
Ῥεῖα δ' ἀρίζηλον μινύθει, καὶ ἄδηλον ἀέξει,
Ῥεῖα δ' ἐ τ' ἰθύνει σκολιὸν καὶ ἀγλαὸν ἀρέσσει
Ζεὺς ὑψιβρεμέτης, ὃς ὑποδρήσας τὰ δίωμεν ἀνάγει.
Κλῦθι ἰδὼν ἀίων τε, δίκῃ δ' ἴθυνε θέμιστας
Τοῖν, ἐγὼ δέ κε Περσὶ ἐτήτυμα μυθησαίμην.
Οὐ ἄρα μοῦνον ἔην ἐρίδων γένος, ἀλλ' ἔπι γαῖαν
Εἰσὶ δύω, τὴν μὲν κεν ἐπαινήσειε νοήσας,
Ἡ δ' ἐπιμωμητή, ἑτέρη δ' ἄνδιχα θυμὸν ἔχουσιν.
Ἡ μὲν γὰρ πόλεμόν τε κακὸν καὶ δῆριν ὀφέλλει,
Σχετλίη, οὔτις τοῦτό γε φιλεῖ βροτός, ἀλλὰ τὰ οἴκαδε
Ἀθανάτων βουλῇσι χερείονα τιμῶσι βαρεῖαν. (κακὴ
Ἡ δ' ἑτέρη (πρότερον μὲν ἐπεί ῥ' ἐγένοντο νεοῖς ἐριδουνεῖν)
Θῆκε δὲ μιν κρονίδης ὑψίζυγος αἰθέρι ναίων,
Γαίης

HESIODI ASCRAEI OPERA ET DIES, NVNC CASTIGATIVS VERSAE, AVTORE VLPIO FRANEKERENSI FRISIO.

MOVSAE Pierides, præstantes laude canendi,
Adsitis, patrẽ celebrãtes dicite vestrum,
Dicite, cur homines inter sit nobilis ille
Conspicuusq;, hic obscurus? (Iouis illa voluntas)
Nam facile extollit, facile elatumq; refrenat,
Et clarum obscurans, obscuri nomen adauget,
Erigit & miserum facile, extinguitq; superbum,
Iuppiter altitonus, cui celsum regia cœlum,
Audi cuncta videns nosceusq;, & dirige recte
Hæc oracula, ego sic Persen vera docebo.
Scilicet in terris gemina est contentio, verum
Hanc animadvertens aliquis laudarit, at illam
Dixerit esse malam, sibi nam contrariæ utræq;.
Seminat illa etenim bellum, litesq; maligna,
Hinc hominum mali grata est. sed sæpe sequuntur
Atq; colunt illam Dijs instigantibus ipsis.
Alteram at ipse (etenim prior atra nocte creata est)
Terris imposuit summi regnator olympi

A 4 Iuppiter,

Первая страница «Трудов и дней» Гесиода. Базельское издание 1539 г.

История же «братской» тяжбы такова.

Уроженец малоазийского города Кимы, Гесиод, вместе с семьей переселился в греческую Беотию, самую обширную из стран Средней Греции со столицей Фивы и обителью муз горой Геликон. После смерти отца оба брата получили в наследство равными долями небольшой участок земли, ставший предметом их раздора.

Расчетливый Перс подкупил судей-«дароядцев» (дармоедов) и, втянув брата в обременительную тяжбу за передел

наследства, отсудил у Гесиода большую часть имущества. Гесиод вынужден был покинуть родной дом, какое-то время скитался, едва не умер от голода. Скрашивало жизнь скитальцу его поэтическое творчество, высоко ценимое современниками. В конце концов, рапсод вернулся на родину к крестьянским трудам, которые перемежал со стихотворчеством: «Землю попашет, попишет стихи» (В. Маяковский). В конце концов, Гесиод упорным трудом вернул себе утраченный достаток, а ленивый Перс проел все свое добро. Когда он пришел к брату с протянутой рукой, Гесиод простил непутевого родственника, но не дал ему ничего, кроме назидательной поэмы «Труды и дни», а заодно и бессмертия.

(Существует еще одна трактовка взаимоотношений Гесиода и Перса, сводящаяся к тому, что «Перс только пытался получить больше, чем ему полагалось по закону, но не преуспел», в связи с чем Гесиод и написал поэму, как наставление брату заниматься хозяйством систематически, а не тратить время попусту на судейские тяжбы).

«Труды и дни» позволяют реконструировать не только состояние суда в архаическом обществе, но и социальную обстановку в Беотии той поры. Судя по всему, она была невеселой. Внешние войны утихли, разгорелись внутренние. Сильная элита доблестно грабила население, прибирая к рукам все, что прибиралось, в т. ч. и по суду. Уж о чем, о чем, а о суде Гесиод писал со знанием дела. И главный призыв поэта был – избегать неправедных судилищ, взращенных на взят-

ках и кумовстве, в которых царили беззаконие и произвол, и бал коллегиально правила знать («цари»). Профессиональных судей тогда еще не было, да и других судов, судя по пессимизму поэта, тоже: «Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы, Да заказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым, Если чем кто неправее, тем легче управу находит?» Для человечества Гесиод отчеканил непревзойденный девиз: «Право там, где сила».

Однако же силе и насилию, как отметили историки права, Гесиод противопоставил справедливость; у него «впервые встречается зарождение двух понятий, которые проходят через всю древнегреческую политическую и правовую мысль: понятие о праве по природе, или естественное право, и понятие о праве, установленном людьми».

Собственно судебному процессу посвящено несколько фрагментов поэмы, давших впечатляющую картину суда в архаическом обществе, показавших, как немил суд даже истцу.

Гесиод по этому поводу оставил наставления о том, как избежать суда: «Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил. Злее всего от дурного совета советчик страдает»; «Дурни не знают, что больше бывает, чем всё, половина» и т. д.

Подарил поэт и советы, как спастись от осуждения на суде: «Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим: Не победит он его – к униженью лишь горе прибавит!»; «Кто

ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется, Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко»…

«Вплоть до конца VIII в. до н. э. в Греции не было профессионального суда, и тем более не существовало структур, призванных обслуживать сферу правосудия, – замечает историк Л. А. Пальцева. – Видимо, неслучайно суд при Гесиоде рассматривает главным образом имущественные тяжбы – дела именно такого рода могли быть разрешены без наличия сложной судебной машины».

Суд заседал на агоре под открытым небом, в присутствии обывателей. На процессе выступали свидетели, давшие клятву говорить одну лишь правду, очень часто нарушаемую ими.

«Недостатки судебной системы, с которыми сталкивался, видимо, не только Гесиод, но и многие его современники, заставляли общество искать пути к ее усовершенствованию. Это предопределило дальнейшее движение правосудия в направлении кодификации права, совершенствования судебной процедуры и создания специальных судебных органов, т. е. судебной ветви власти».

Гесиод описал не только современный ему суд, но и показал нормы общественного поведения, по которым жили люди в Греции до «всеобщего падения нравов»: «уважение к старшим, и прежде всего – к родителям, обязанность детей содержать родителей в старости, помощь родственникам, гостеприимство, верность данной клятве…». Государство, где

процветает беззаконие, подвергается голоду и чуме – утверждал Гесиод.

От будущего поэт и вовсе не ждал ничего радостного. Противопоставив прошлое Греции (золотой, серебряный, медный, героический века) настоящему железному веку, рапсод нарисовал апокалипсическую картину грядущего.

Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных бессчастных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Знакомая картина…

Суд над неправедным судьей

Об отношении людей к неправедным судьям можно найти много историй в фольклоре.

Как-то раз Ходжу Насреддина пригласил на соколиную охоту султан. У Насреддина сокола не было, и он в поле пустил ворону. Ворона села на быка, и Ходжа повел быка домой. Хозяин не захотел отдавать быка и пожаловался кади (судье). Насреддин посулил судье подарок, и кади на суде счел быка охотничьей добычей Ходжи. В благодарность Насреддин презентовал кади горшок с бычьим навозом, прикрытый сверху капустным листом и залитый маслом.

Когда кади зачерпнул ложкой маслице и увидел, что там, он позвал Насреддина и попенял ему: «Ах ты, негодяй, чем же ты меня угощаешь?»

«– Ты сам себя так угостил, почтенный кади, – ответил ему Ходжа Насреддин. – Ты уже наелся из этого горшка, когда вынес приговор. Разве ворона может поймать быка?

Сказал и пошел прочь» (Книга о судах и судьях).

Похожая история случилась более трехсот лет назад и в России. Ее можно прочесть в сатирической повести «Шемякин суд».

Как-то бедняк попросил у своего богатого брата лошадь, чтобы привезти из лесу дров. Брат лошадь дал, а хомут пожалел. Бедняк привязал дровни к хвосту лошади и поехал.

Дровни зацепились за пенек, и лошадь лишилась хвоста. Богатей повел брата в город к судье Шемяке.

По дороге заночевали у попа. Бедняк свалился с полатей и задавил в люльке поповского ребенка. Наутро в город с братьями отправился и поп жаловаться на убивца. Когда шли по мосту, бедняк, желая покончить с собой, бросился в ров, но упал на старика и прибил того насмерть. Сын убитого присоединился к двум истцам.

Бедняк подобрал камень и завернул его в платок. При разборе каждого дела он показывал Шемяке узелок.

Судья, решив, что ответчик сулит ему золото или серебро, решил дело в его пользу: приговорил отдать лошадь бедняку, покуда у нее не отрастет хвост, попадью отдать бедняку, чтобы она родила сына взамен убиенного, а сыну погибшего старика броситься с моста на ответчика.

Понятно, что истцы не были в восторге от судейского решения и уже после суда отказались от своих претензий, откупившись от бедняка неплохими деньгами.

Когда Шемяка пожелал получить награду за свои труды, бедняк показал ему камень, которым убил бы его, не пойми судья его «намек». Надо ли говорить, как счастлив был Шемяка, избежавший смерти.

Но это все цветочки, ягодки же были еще за две с лишним тысячи лет до Шемяки. В истории мирового правосудия уникальным явлением стал суд персидского царя Камбиса (умер в 522 г. до н. э.), покорителя Египта. О суде поведал

древнегреческий историк Геродот (484 г. до н. э. – 425 г. до н. э).

Суд Камбиса. Диптих Г. Давида. 1494–1498 гг.

«Отана же он (царь Дарий. – *В.Л.*) назначил начальником войска в Приморской области. Отец этого Отана – Сисамн был одним из царских судей. За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором тот восседал в суде. Обтянув кресло (такими ремнями), Камбис назначил судьей вместо Сисамна, которого казнил и велел затем содрать кожу, его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседая он судит» (Геродот. История. Терпсихора. Книга 5, глава 25).

Других записей о суде Камбиса не сохранилось.

Эта история почти два тысячелетия была памятна всем образованным людям (в т. ч. и судьям), но в широкое общественное сознание она вошла благодаря назидательной картине-диптиху фламандского художника Давида Герарда (ок. 1460–1523) «Суд Камбиса», созданной в 1498 г. У картины есть еще несколько названий: «Страшный суд», «Продажное правосудие», «Сдирание кожи с продажного судьи». Диптих ныне находятся в Муниципальной художественной галерее г. Брюгге (главный город бельгийской провинции Западная Фландрия).

«Суд Камбиса» был написан мастером по заказу городских властей Брюгге и помещен в зале судебных заседаний ратуши для напоминания судьям об их судейском долге и судейской чести.

В картине Давид полностью реконструировал судебный процесс Сисамна. На левой части диптиха воссоздан «Арест судьи», на правой «Казнь судьи». В момент ареста Камбис уличает неправедного судью Сисамна, удерживаемого стражником, в преступлении, перечисляя ему на пальцах все случаи мздоимства. За креслом судьи стоит его сын Отан, будущий преемник. А на заднем плане изображена предыстория ареста – на крыльце проситель протягивает судье кошель с деньгами.

На правой части диптиха изображено, как в присутствии царя и придворных палач сдирает с живого судьи кожу. На

заднем плане, на судейском кресле, покрытом кожей, снятой с казненного, сидит Отан. Возле него проситель, явно искушающий судью взяткой.

Возьмет ли ее Отан?

Если под Отаном разуметь судей вообще, не исключено, возьмет. В России, например, берут.

Наказание за «обед в пританее»

Оценивая роль Сократа в истории человечества, богословы называют его «христианином до Христа», а философы «первым философом в собственном смысле этого слова». Наиболее полное описание жизни древнегреческого философа, впервые рассмотревшего природу человека, оставили его апологеты философ Платон и историк Ксенофонт, а также его противник «отец комедии» Аристофан.

Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.), в которой противостояли друг другу два союза – Делосский во главе с Афинами и Пелопоннесский под предводительством Спарты, закончилась поражением Афин, в которых была установлена власть Тридцати тиранов. После свержения проспартанских правителей в Афинах восстановилась видимость народовластия, но афиняне видели: государство зависло над бездной. В поисках виновников своих бед демократы нашли «крайнего» – 70-летнего Сократа, уроженца Афин, не раз доблестно защищавшего полис от врагов. Оснований, из которых легко было состряпать обвинение, хватало.

Прокурора в Афинах еще не было, обвинения выносились частными лицами. Ими стали кожевенник-коррупционер Анит, юный поэт Мелет и оратор Ликон. Стихотворец развесил объявления: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Со-

крата, сына Софрониска из дема Алопеки. Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание – смерть».

Клеветники фактически обвинили философа в безбожии. Развращение же молодежи стало формальным поводом для сведения счетов. «Развращенной» молодежь называли за то, что она, наслушавшись речей Сократа и переняв его диалектику, также любила «испытывать» своих папаш беседой, ставя их часто в тупик.

Сократ выпивает чашу с ядом

Да что там молодежь! Философ и сам «испытал» многих

афинян на предмет их умения рассуждать. Железная логика и смирение мудреца бесили граждан. А он лишь сетовал: «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого». «Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это, не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» (Диоген Лаэрций).

Не могли простить новые власти Сократу и его критики государственного устройства. Были у философа грехи и в прошлом: его ученики Алкивиад и Критий принесли немалый вред Афинам. Этого философу открыто в вину не ставили, но судьи, естественно, имели в виду.

В мае 399 г. до н. э. Сократ предстал перед одной из 10 коллегий суда присяжных. В состав суда входило 6000 членов, из которых 5000 были основными и 1000 запасными судьями. Судьи избирались ежегодно по жребию из граждан, достигших 30 лет, по 600 человек от каждой из 10 фил (общин) Аттики. Судебная коллегия, где разбиралось дело Сократа, состояла из 501 человека. Постановления принимались большинством голосов.

Для многонаселенных Афин всякий суд был праздник. Дело же одиозного Сократа привлекло весь город. Говорят, обвинители не жаждали крови Сократа, с них вполне хватило бы, если бы Сократ сбежал из Афин и не явился на суд.

Именно это предложил старику Анит. Ведь, в конце концов, вся обида скорняка заключалась в том, что некогда Сократ высмеял его во время публичной дискуссии. Но мудрец проигнорировал «заботу» кожевника и, отказавшись от законной помощи знаменитого составителя судебных речей (логографа) Лисия, пошел на суд, «вполне сознавая грозящую ему опасность».

После речей обвинителей, потребовавших смертной казни для Сократа, обвиняемый взял слово и сказал, что он защищается только потому, что этого требует закон. Призвав судей ценить выше всего духовные блага, а не материальные, Сократ в первой части речи сказал о том, что нет ничего предосудительного в исследовании натурфилософских проблем и что «воспитание людей он считает полезным делом». При этом заметил, что никакой платы за это он не брал. Конкретно же своим обвинителям философ, в частности, указал, что «нелепо считать его развратителем молодежи и одновременно признавать, что все остальные граждане, в том числе судьи или сами обвинители, никого не развращают».

«Отвергать одних богов и признавать других – вовсе не значит быть безбожником», – заявил Сократ и добавил, что на него богами возложена миссия – воспитывать своих граждан (в т. ч. и судей) в духе добродетели. Когда же он сообщил, что, по словам дельфийской пифии, «нет человека более независимого, справедливого и разумного, чем Сократ», он сам себе подписал смертный приговор.

Суд признал Сократа виновным – при соотношении голосов 280 против 221. Для оправдания недоставало 30 голосов. Сократу, как обвиненному, по закону оставалось предложить самому себе меру наказания – не ту, что вменяли ему обвинители, а которую он заслуживал в собственных глазах – штраф, тюремное заключение, изгнание из Афин… Судьи же по своему усмотрению должны были выбрать тот или иной вариант.

Друзья философа были уверены, что при втором голосовании дело закончится оправданием, но обвиняемый обманул ожидания друзей и суда. Он вдруг заявил, что для него, человека достойного, но бедного, «нет ничего более подходящего, как обед в пританее!» (Здание, в котором обедали на государственный счет пританы – члены совета и лица, оказавшие Афинам важные услуги). Свое «наказание» подсудимый подкрепил весомой аргументацией: «Убежденный в том, что не обижаю никого, я ни в коем случае не стану обижать и самого себя, наговаривать на себя, будто я заслуживаю чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание». Сократ все же согласился по бедности уплатить штраф в одну мину серебра. Все его движимое и недвижимое имущество оценивалось в 5 мин.

При этом обвиняемый не молил, как было принято, о прощении и не обещал бросить занятия философией; он даже запретил плакать о нем родственникам.

Восприняв пассаж философа как издевательство, суд 360

(против 141) голосами вынес Сократу смертный приговор, окончательный и не подлежащий обжалованию. «Никто не желает зла», – говаривал философ, судя по всему, еще до суда.

После вынесения приговора Сократ обратился к судьям: «Я ухожу отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости».

В связи с отсутствием в Афинах священного посольства, без которого смертная казнь запрещалась, приговор был отсрочен на 30 дней. Сократа в тюрьме навещали друзья – они были «подавлены мыслью о предстоящей разлуке с ним и в то же время поражены величием его духа, его истинно философским спокойствием и необычайным мужеством перед лицом смерти».

Узнику был подготовлен побег, но он отказался, решив во всем остаться верным законам Афин. Ведь только благодаря законам, считал Сократ, существует государство, и «вопреки мнению большинства, нельзя отвечать несправедливостью на несправедливость».

В свой последний день Сократ не стал ждать захода солнца, попросил принести ему чашу с ядом, цикутой (по другой версии, болиголовом), и спокойно выпил ее. Перед смертью Сократ попросил принести в жертву богу врачевания Асклепию петуха, как благодарность за выздоровление, «символизируя этим свою смерть как выздоровление, освобождение

от земных оков».

До сих пор юристы спорят о справедливости приговора, а философы о причинах, побудивших Сократа «принудить» суд к обвинительному вердикту – ведь «в сущности он (Сократ. – *В.Л.*) и до сих пор остался непонятным, как непонятна его казнь, производящая такое впечатление, что не афиняне его казнили, а сам он заставил их себя казнить» (А. Ф. Лосев).

Смерть Сократа оставила не меньше вопросов, чем задала их его жизнь. «В самом деле, как быть, если индивидуальное сознание сталкивается с общественным, если совесть одного идет вразрез с убеждением многих? Что делать, если мнение одного из граждан противоречит интересам государства, его требованиям? Как поступить тем, теоретическая и практическая деятельность которых вызывает недоверие и вражду со стороны окружающих людей? Какой приговор можно вынести человеку, обвиненному в подрыве устоев общественной и семейной жизни, если к тому же он решительно отказывается от какого-либо компромисса с людьми, считающими его деятельность разрушительной и даже пагубной? Словом, как быть, если один идет наперекор всем и считает истиной то, что, по мнению остальных, является опасным заблуждением?» (Ф. Х. Кессиди).

В последнее время многие правоведы склоняются к тому, что «афиняне, казнившие Сократа, были правы, так как они отстаивали основы своей “нравственной жизни”. Однако и

Сократ был прав, так как он выдвинул новый принцип, ознаменовавший собой наступление новой эпохи, новой фазы в истории мира и всего человечества». Главный вопрос жизни, провозгласил философ, есть вопрос о добре и зле, и человек при любых обстоятельствах может и обязан выбирать добро.

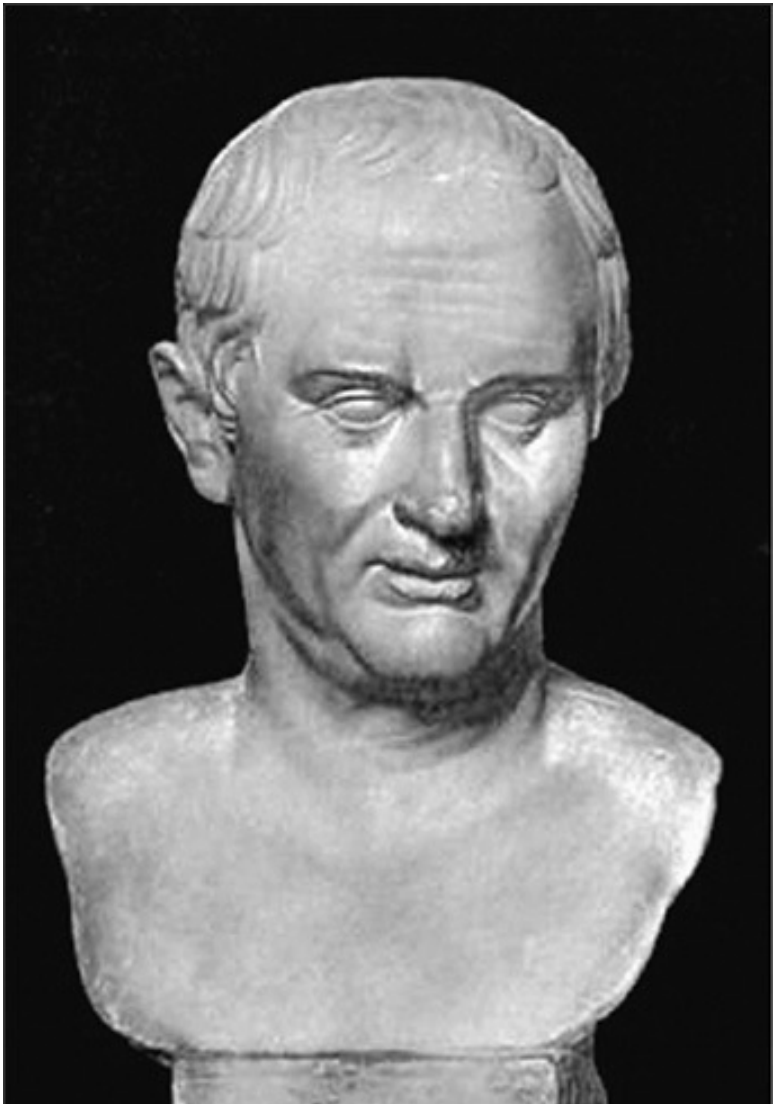
Наместник страшнее чумы

Римское право – великое творение римских юристов, в самом Древнем Риме не всегда соблюдавшееся. Для римлян зачастую личные связи и золото были выше писаных законов, и сами законы применялись либо избирательно, преимущественно для неримлян, или когда судьям и власти было выгодно блюсти именно эти законы. «Как бы нам ни хотелось, речи Цицерона вовсе не свидетельствуют о справедливости римского суда и величии римских законов, а лишь говорят о том, что в определенных условиях честные люди могли все же противостоять неправедности судей, умели находить лазейки в бетонной стене корысти и круговой поруки высших слоев общества» (В. Н. Еремин).

«Чего всего более надо было желать, судьи… в столь ответственное для государства время. Ибо уже установилось гибельное для государства, а для вас опасное мнение… будто при нынешних судах ни один человек, располагающий деньгами, как бы виновен он ни был, осужден быть не может. И вот, в годину испытаний для вашего сословия и для ваших судов… перед судом предстал Гай Веррес, человек, за свой образ жизни и поступки общественным мнением уже осужденный, но ввиду своего богатства, по его собственным расчетам и утверждениям, оправданный. Я же взялся за это дело, судьи, по воле римского народа и в оправдание его чая-

ний… дабы избавить всех нас от бесславия. Ибо я к суду привлек такого человека, чтобы вы вынесенным ему приговором могли восстановить утраченное уважение к судам, вернуть себе расположение римского народа, удовлетворить требования чужеземных народов. Это – расхититель казны, угнетатель Азии и Памфилии, грабитель под видом городского претора, бич и губитель провинции Сицилии. Если вы вынесете ему строгий и беспристрастный приговор, то авторитет, которым вы должны обладать, будет упрочен; но если его огромные богатства возьмут верх над добросовестностью и честностью судей, я все-таки достигну одного: все увидят, что в государстве не оказалось суда, а не что для судей не нашлось подсудимого, а для подсудимого – обвинителя» (из речи Цицерона против Верреса).

Судебный процесс по делу бывшего наместника Сицилии Гая Лициния Верреса принес 36-летнему квестору (младшему чиновнику), служившему какое-то время на Сицилии, а затем в Риме, Марку Туллию Цицерону (106—43 гг. до н. э.) всеримскую славу. Дело явилось трамплином для «нового человека», ставшего в 63 г. до н. э. консулом Рима, раскрывшим антигосударственный заговор Катилины, за что он был назван «отцом отечества».



Цицерон. Античный бюст

Подсудимый же, Гай Веррес, за 3 года наместничества (73–71 гг. до н. э.) фактически опустошил остров. Доведенные до крайности, городские общины Сицилии на основании Корнелиева закона о вымогательстве подали против своего проконсула беспрецедентный, но реальный иск в 100 млн сестерциев (около 100 млн долл США), сопоставимый с реальными доходами Рима. Обвинителем сицилийцы попросили выступить Цицерона, которого помнили как честного и справедливого чиновника, руководившего вывозом зерна в период нехватки хлеба в Риме, и талантливого оратора.

Проведя в Сицилии следствие, собрав за 50 дней письменные доказательства вины Верреса и вызвав свидетелей, Цицерон вернулся в Рим и инициировал процесс против наместника.

Веррес был большой знаток законов, а паче того, как обходить их. То он попросту крал казенные деньги, подставляя своих начальников. То, пользуясь своей властью, не раз возбуждал судебное преследование гражданина, собирающегося принять богатое наследство, в результате чего получал или откупные от наследника, или все его наследство. То, изменив цену закупки зерна и правила учета, безмерно обогащался за счет граждан, пока не превратил Сицилию – основную поставщицу хлеба для нужд Рима и Италии – в нищую провинцию Империи. То «на глазах у всех ограбил в Сици-

лии все здания – как священные, так и мирские, как частные, так и общественные, и… совершая всякого рода воровство и грабеж, он не только не чувствовал страха перед богами, но даже не скрывал свои преступления». То во время восстания Спартака, когда тот в 71 г. со своей армией подошел к Мессинскому проливу и попытался переправить часть своих войск в Сицилию, Веррес взял с него деньги, обещая предоставить корабли морских пиратов, но обманул восставших, а себе поставил это в заслугу. То – совсем уж вопиющий случай! – придумал «новый способ грабежа» военного флота: захватив все источники финансирования (хлеб, жалование и пр.) флота, Веррес «стал за определенную плату отпускать матросов со службы, а все жалование, причитающееся отпущенным, присваивать себе». Ослабление флота достигло такой степени, что корабли римлян стали захватывать пираты. Некоторым удавалось сбежать от пиратов, но их капитанов Веррес обвинял в предательстве и предавал казни. Более того, когда пиратов ловили, проконсул за деньги отпускал их на волю (либо продавал в рабство), а вместо них публично казнил узников из своих тюрем – римлян или сицилийцев! Все свои преступления, как и водится в этих случаях, наместник топил в вине, обжорстве и разврате, совращая детей и жен достопочтенных подданных.

«Но самые многочисленные и самые важные доказательства и следы всех своих пороков он оставил в провинции Сицилии, которую он в течение трех лет так истерзал и разорил,

что ее совершенно невозможно восстановить в ее прежнем состоянии… Наши преданнейшие союзники были отнесены к числу врагов, римские граждане были подвергнуты пыткам и казням, словно это были рабы; преступнейшие люди были за деньги освобождены от судебной ответственности, а весьма уважаемые и бескорыстнейшие, будучи обвинены заочно, без слушания дела были осуждены и изгнаны; прекрасно укрепленные гавани и огромные, надежно защищенные города были открыты пиратам и разбойникам; сицилийские матросы и солдаты, наши друзья и союзники, были обречены на голодную смерть; прекрасный, крайне нужный нам флот, к великому позору для римского народа, был потерян нами и уничтожен…» – это только краткий отрывок (1 %, не более) из обвинения Цицерона.

Короче, не было той гнусности, которую не сотворил бы Веррес вопреки закону, открыто и нагло, пользуясь покровительством центральных властей и долготерпением провинциалов.

Имея неограниченные средства для подкупа и поддержку властей разного уровня, Веррес был уверен в оправдательном вердикте. Нельзя сбрасывать со счетов, что на стороне обвиняемого хоть и неявно был славный полководец Помпей, принявший щедрую помощь Верреса в испанской войне против Сертория, когда сенат не высылал ему своевременно денег и необходимых припасов и снарядов. Немало израсходовал Помпей «заемных» средств и в самом Риме для полу-

чения консульства на 70 г. «Деньги, собранные Верресом в Сицилии, формировали “черную кассу” Помпея, за счет которой поддерживалось, а затем и усиливалось его политическое влияние» (А. Н. Нуруллаев).

Бывший наместник подкупил наличный состав суда за большие деньги (их таскали корзинами), но Цицерон все же добился отставки судей. Тогда обвиняемый нанял в качестве адвоката знаменитого оратора Гортензия (будущего консула на 69 г. и любителя изысканных блюд из павлинов) и подкупил некоторых новых преторов, всячески затягивавших процесс, с тем, чтобы перенести его на следующий год, когда обновится состав судей, более благосклонных к Верресу.

Однако Цицерон оказался бойчее бывшего наместника и явных и тайных его покровителей и апологетов. Намерения обвинителя стали ясны уже после первого его выступления в суде: «Я утверждаю, что Гай Веррес в своей разнузданности и жестокости совершил много преступлений по отношению к римским гражданам и союзникам, много нечестивых поступков по отношению к богам и людям и, кроме того, противозаконно стяжал в Сицилии 40 000 000 сестерциев. Я докажу вам это с полной ясностью на основании свидетельских показаний, на основании книг частных лиц и официальных отчетов».

Во время процесса Цицерон постоянно «остужал» судей, напоминая им об их долге: «О, достопамятные суды!.. Разве Веррес питал бы какую-либо надежду на благоприятный

исход суда, если бы у него не сложилось дурного мнения о вас? Поэтому Веррес должен быть вам ненавистен еще более, чем римскому народу, если это возможно, так как считает вас равными себе по алчности, способности к злодеяниям и клятвопреступлению… В этом судебном деле вы вынесете приговор обвиняемому, а римский народ – вам».

Слушание дела началось 5 августа 70 г. и должно было быть прервано из-за ряда общественных игр… В интересах обвинения было закончить весь процесс до начала общественных игр. Поэтому Цицерон вместо длинной речи произнес ряд коротких, сопровождая каждую чтением документов и представлением свидетелей. Уже 7 августа Веррес сказался больным и не явился в суд; вскоре он покинул Рим. Гортенсий отказался защищать его. Допрос свидетелей и чтение документов закончились на девятый день суда. Суд подтвердил факт добровольного изгнания Верреса и взыскал с него в пользу сицилийцев 40 000 000 сестерциев.

Что же в итоге? Грабитель и убийца, но урожденный гражданин Рима, по римским законам на деле отделался легким испугом. Единственное практическое достижение Цицерона – возвращение средств Сицилии (хотя таких сведений, что деньги дошли до места, мне не попалось). Увы, законы не дали справедливости. И в таких решениях коренились причины падения поздней Римской республики, которые одновременно предопределили грядущую гибель Римской империи.

«Никто не может избежать смерти», – утверждал Цице-

рон. Не избежал ее и он. После убийства Юлия Цезаря полководцы Марк Антоний, Эмилий Лепид и племянник убитого Октавиан заключили в 43 г. до н. э. соглашение – второй триумвират. Под лозунгом «восстановления порядка» были составлены проскрипционные списки, в которые попали 300 сенаторов и более 2000 всадников. Среди осужденных на смерть оказался и Цицерон. Честнейший человек, патриот Рима, великий оратор, составивший более 110 блистательных речей и написавший немало философских и религиозных трактатов, а также сочинений по ораторскому искусству, скрупулезный законник, но личный враг Антония, он оказался вне закона и вынужден был бежать из Рима. «По дороге его настигла шайка убийц. Едва он высунул голову из носилок, как бывший военный трибун Попилий Ленас, которого Цицерон когда-то защищал в суде, нанес ему три удара мечом по шее. Попилий отнес голову Цицерона к Антонию и получил за нее в десять раз больше назначенной цены (т. е. «заработал» 250 тыс. динариев). Мстительная жена Антония, Фульвия, проколола булавками язык, который, вероятно, не щадил и ее. Затем Антоний приказал выставить голову и правую руку Цицерона перед ораторской кафедрой, украшением которой так часто был погибший» (Д. Мамичев).

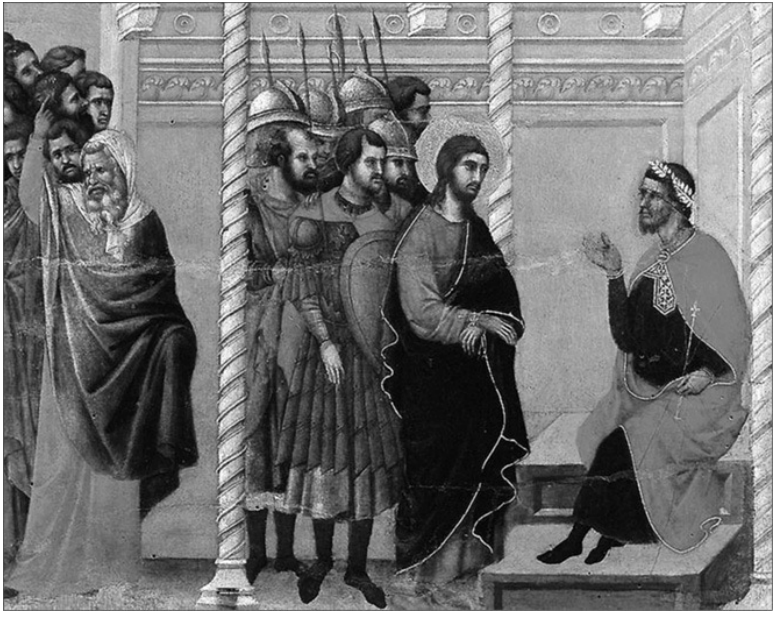
После того как Веррес удалился в добровольное изгнание, он исчез с политической карты Рима. Но 27 лет спустя после своего «дела» триумвир Марк Антоний внес его имя в про-

скрипционные списки. Бывший проконсул был казнен в те же дни, что и Цицерон.

«Распни! Распни его!»

Трибунал над Мессией – Христом оказал беспрецедентное влияние на ход мирового развития и фактически дал начало новой эры. Это самое неправедное судилище в истории ответило на три вечных вопроса: «А судьи кто?» (власть), «Кто мы?» (народ), ответы на которые, увы, не украсили ни тех, ни этих; и «Что есть истина?» (Сам Иисус Христос).

После того как Иисус из Назарета Галилейского в 30 лет получил законное право проповедовать, Он провозгласил Себя Сыном Божиим и три с половиной года наставлял на путь истинный жителей Сирии (римской провинции, включавшей Галилею, Иудею, Самарию, Идумею и Перею) и являл много чудес – от превращения воды в вино до воскрешения мертвых. Свидетели и участники Его чудес, многие иудеи готовы были признать Пророка своим царем. Первосвященники же и начальники народа, терзаемые завистью к Мессии и смятением пред своим будущим, всячески искали Его погибели. Их ненависть к Божественному Проповеднику усугублялась обличительными речами Иисуса Христа против различных партий и групп иудейской элиты. Своими провокациями, беззаконными по своей сути, без труда разоблаченными Христом, фарисеи, саддукеи, иродиане, левиты и др. лишь подливали масла в огонь веры людей в Божественную суть Иисуса.



Христос перед Пилатом. Художник Дуччо ди Буонисенья. Начало XIV в.

Накануне Пасхи 30 г. Сын Человеческий под крики «Осанна!» восторженно встречавшей Его толпы въехал на осленке в многонаселенный Иерусалим, в который на праздник собралось множество приезжих иудеев. Выгнав из храма Божьего всех продающих и покупающих в храме, и опрокинув столы меновщиков и скамьи продающих голубей, Христос стал проповедовать не земное царство, а Царство Бо-

жие и повел речь не о делах гражданских, а о духовном возрождении. Этим Иисус весьма разочаровал своих недавних поклонников, рассчитывавших сразу получить от Царя рай земной и освобождение от ига римлян. «Народ, не увидевший земной, царской силы Христа, к этому времени уже отвернулся от Него», чем не преминули тут же воспользоваться его враги.

Ученик Христа, Иуда Искариот, за 30 сребреников предал Учителя в руки синедриона (коллегиальный судебный орган священников, старейшин, законников и книжников), арестовавшего Его в ночь с пятницы на субботу, 14 нисана (по еврейскому календарю), «как злодея», без судебного постановления и даже без возбуждения дела.

С этого момента начались вопиющие нарушения судебного процесса, коих специалисты по еврейскому и римскому праву насчитывают до 27, попрание как форм и правил еврейского закона, так и основных начал правосудия.

Одно из самых древних, иудейское законодательство было направлено на поддержание установленного Богом порядка бытия. Столетиями в еврейском обществе закреплялись основные принципы судопроизводства: «точность в обвинении, гласность в разбирательстве, полная свобода для подсудимого в самозащите, детальное исследование свидетельских показаний, обеспечение безопасности свидетелям и главное – милости… к оступившемуся».

Вершивший суд синедрион состоял из 71 члена, возглав-

лялся первосвященником, назначаемым ежегодно римским наместником – прокуратором. В 30 г. прокуратором был Понтий Пилат, а первосвященником Иосиф Каиафа, хотя все нити управления судопроизводством в Иудее держал в руках тесть Иосифа – Анна, до того много лет занимавший этот пост. Смертный приговор синедрион выносил редко, но и этого права он был формально лишен Римом в первое десятилетие н. э.: такой приговор надо было утвердить у прокуратора.

Все нарушения судопроизводства в суде над Иисусом Христом описаны в Евангелии, Толковании на Евангелие блаженного Феофилакта Болгарского, работах архиепископа Иннокентия Херсонского (Борисова), богословов и юристов А. Лопухина, А. Гумерова, Ф. Куприянова, В. Звягинцева, В. Илларионова и др.

Смертный приговор Иисусу Назарею вынес Каиафа на Совете за несколько недель до суда после воскрешения Христом умершего «четырехдневного» Лазаря: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб от Его учения!» Но и до этого было предпринято несколько тщетных попыток побить Проповедника камнями или сбросить в пропасть.

Синедрион постоянно провоцировал Христа. К Нему подсылались крючкотворы с софистическими вопросами, любые ответы на которые можно было бы вменить Ему в вину. Как-то Иисуса спросили, «позволительно ли давать подать

кесарю, или нет?» Ответь Христос «да» – Его обвинили бы лжемессией, продавшимся римлянам, скажи «нет» – поставили в вину неподчинение кесарю. Но Иисус, указывая на кесарево изображение и надпись на динарии, сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

После ареста в Гефсиманском саду Христа сразу же повели на первый суд к Анне, не имевшему никаких прав для проведения собственного, к тому же без судейского кворума, суда. Законодательство разрешало вести уголовный суд только днем, однако он был проведен ночью, и при этом Христу не предоставили законного права вызвать свидетелей защиты.

Начал заседание Анна не с чтения статей судебного дела и допроса свидетелей-обвинителей, предупредив их об ответственности за дачу ложных показаний, а с допроса Христа, потребовав рассказать о Его учениках и о Его учении. Очевидно, из Его ответов он и думал выудить основание для обвинения Иисуса в руководстве тайной общиной. Христос призвал судью допросить свидетелей, но вместо этого один из слуг Анны ударил Его по лицу со словами: «Ты как отвечаешь судье?»

Продолжением первого суда стал такой же незаконный суд в доме Каиафы, проведенный той же ночью при полном отсутствии состязательности сторон – доносчиков и обвиняемого. «Более того, в Иудее практиковалась замечательная процессуальная особенность: члены синедриона раз-

делялись председательствующим на две группы судей, одна из которых поддерживает обвинение, другая – защиту!» Здесь же все члены синедриона встали на сторону обвинения, единогласно обвинив Узника. Потенциальных сторонников Христа – Иосифа Аримафейского, Никодима, Гамалиила на Совете не было. «По закону иудеев, если смертный приговор принимался единогласно, то его не приводили в исполнение. Считалось, что единогласие свидетельствовало о том, что исследование обстоятельств проводилось поверхностно, а судьи не искали оправдательных доводов». В данном случае синедрион это проигнорировал.

Не имея основания для провозглашения смертного приговора, Каиафа стал спешно подыскивать (!) и допрашивать лжесвидетелей, не имевших ни одного показания, которое можно было принять как правдивое. В еврейском уголовном судопроизводстве «малейшее разногласие в свидетельских показаниях признавалось уничтожающим их силу». «Видя беззаконный суд их, Христос молчал, ибо тех, коих не убеждали знамения, как убедили бы оправдания?»

К концу заседания судебный процесс зашел в тупик: надо было его немедленно прекращать, а обвиняемого отпустить. И тогда Каиафа незаконно прибег к клятве: «сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник

разодрал одежды свои (по Талмуду, первосвященникам это было запрещено делать Самим Господом. – *В.Л.*) и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти».

Обвинение было основано исключительно на словах самого обвиняемого, без привлечения иных доказательств и допроса свидетелей, подтверждающих слова Христа, т. е. подтверждения Иисусом Его мессианских прав.

Получив под клятвой ответ Иисуса, судья нарушил закон, т. к. поставил обвиняемого в безвыходное положение – «признаться в преступлении, либо совершить еще одно – клятвопреступление», проигнорировав право узника по своему выбору отвечать или не отвечать на вопросы.

По закону «любой смертный приговор должен был быть утвержден еще раз не ранее, чем на следующий день после вынесения», причем с повторением всех судебных процедур предыдущего заседания. «Если суд не мог сразу оправдать подсудимого, то был обязан отсрочить, по крайней мере, на 24 часа, заседание для произнесения окончательного приговора. Окончательное заседание не могло также происходить в субботу».

Поскольку на следующий день была как раз суббота, а далее Пасха, повторное заседание (третий суд) без должного кворума было наспех проведено ранним утром, и на нем лишь огласили приговор.

Обвинительный приговор можно было пересмотреть и отменить при кассации, однако Иисусу Христу такая возможность предоставлена не была. Он начисто был лишен права на защиту.

Для утверждения смертного приговора члены синедриона направились к прокуратору, ведя с собой связанного и избитого слугами Христа.

По случаю празднования Пасхи и для наблюдения за порядком Пилат приехал из своей Кесарийской резиденции в Иерусалим. Делая уступку иудейским обычаям, Понтий сам вышел на лифастратон (открытое возвышенное место перед жилищем прокуратора) и спросил у иудеев, в чем они обвиняют своего узника. Члены синедриона, рассчитывавшие на то, что Пилат автоматически утвердит смертный приговор и не потребует нового разбирательства, не открыли Пилату своего приговора, а выдвинули против Христа обвинение политического характера – в возмущении народа, отказе давать подать кесарю и назывании Себя Христом Царем. При этом они надеялись придать Христа позорной смерти на кресте, которую могли совершать только римляне со своими рабами. «Евреи же считали, что человек, умерший на кресте, больше не принадлежал еврейскому народу». Клеветников не остановил страх пред лжесвидетельством, поскольку «согласно закону, лжесвидетель подвергался тому наказанию, которое ожидало оговариваемого им подсудимого».

К тому же фарисеи расчетливо надеялись отвести от себя

и «с возможно малой затратой лжи обратить на иноземную власть ту ненависть, которую должна была возбудить в народе смертная казнь пророка».

Пилат тут же «должен бы был потребовать показаний: не собирал ли Христос около Себя воинов, не заготовлял ли оружия», но он почему-то не затребовал этого. Допросив Иисуса наедине, прокуратор убедился, что Тот не политический заговорщик и не представляет никакой опасности для Рима. Еврейским судьям Пилат заявил, что не находит никакой вины в этом человеке. Но те настаивали, говоря, что «Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места. Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме». Четвертый суд закончился без приговора.

Жадный до зрелищ, Ирод Антипа потребовал от Иисуса какого-нибудь чуда, но Спаситель проигнорировал его интерес. «Тогда Ирод со своими воинами, уничижив Иисуса и насмеявшись над ним, одел его в светлую одежду – знак невиновности, и отослал обратно к Пилату». Пятый суд над Христом проще назвать пародией на суд.

К тому времени у претории собралась толпа, подогретая начальниками и старейшинами иудейскими. Пилат, увидев, что Ирод тоже не нашел ничего преступного в Иисусе и лишь посмеялся над ним, решил воспользоваться еврейским обычаем, по которому к празднику освобождали одно-

го из заключенных, и отпустить на свободу Христа. Прокуратор полагал, что народ вопреки лицемерным завистливым священникам и старейшинам потребует освобождения Мессии. Но собравшиеся неожиданно для Пилата стали кричать: «Смерть ему! Отпусти нам Варавву!» (Варавва же был осужден на смерть за участие в бунте и убийство).

Тогда Пилат приказал воинам бичевать Иисуса, думая, что вид истерзанного узника умягчит кровожадность толпы. Увы, «народ», увидев полуживого после страшной экзекуции (98 ударов бича) Христа, ожесточился еще более и стал требовать: «Распни! Распни Его! Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим!»

Судя по его реакции, Пилату стало явно не по себе – он уже убедился, что Христос если не полубог (по языческим меркам), так точно праведник. Он предпринял несколько попыток освободить Христа не столько в пику лицемерному синедриону, сколько из-за сочувствия к Иисусу, но проявил в этом слабость и непоследовательность. Будь наместник жестче и между своим благополучием и истиной выбери Истину, Христа, возможно, удалось бы спасти, хотя здесь мы уже вторгаемся в промысл Божий.

Прокуратор вошел с Иисусом в преторию и спросил Его: «Откуда Ты?» Но Спаситель не дал ему ответа. Пилат был удивлен этим молчанием. «Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять тебя или отпустить тебя?» Тогда Христос «утешил» его: «Ты не имел бы надо мной ника-

кой власти, если бы не было дано тебе свыше».

После этого ответа Пилат желал еще более освободить Иисуса Христа. Трижды вопрошал он толпу: «Какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем» и трижды слышал в ответ: «Распни Его!».

Первосвященники, видя расположение Пилата, пригрозили ему: «Если ты отпустишь Его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем – противник кесарю». Поскольку прокуратору было что скрывать от императора, он испугался доноса не на шутку.

Увидев, что толпа на грани взрыва, Пилат приказал принести воды, умыл свои руки перед народом и сказал: «Неповинен я в крови праведника сего!», на что толпа истово возопила: «Кровь его на нас и на детях наших!»

Тогда Пилат отпустил им разбойника Варавву, а Иисуса Христа предал на распятие. Так закончился шестой суд над Мессией. По римским законам, Пилат не должен был наказывать Христа еще раз после бичевания, но прокуратор малодушничал.

На Лобном месте, по-еврейски Голгофа, распяли Иисуса, а по сторонам его двух разбойников, причтя тем самым и Христа «к злодеям».

«Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврей-

ски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал».

«Начиная с той ночи 14 нисана в Иерусалиме, когда при участии тысяч людей совершился суд над Иисусом Христом, и до наших дней происходит одно и то же: люди, избирающие грех, ожесточаются и распинают Бога» (Афанасий Гумеров, иеромонах Иов).

«Пилат отправил впоследствии к Тиверию (императору Тиберию. – *В.Л.*) донесение, в котором описал жизнь Иисуса Христа, Его чудеса и святость, свой суд над Ним и причины, побудившие осудить Его на распятие… Тиверий… так был поражен описанием чудес и святости Иисуса Христа, что предложил сенату включить Его в число римских богов; но сенат, неизвестно по каким причинам, на это не согласился, и Тиверий ограничился тем, что под страхом казни запретил преследование христиан» (святитель Иннокентий Херсонский).

Средние века

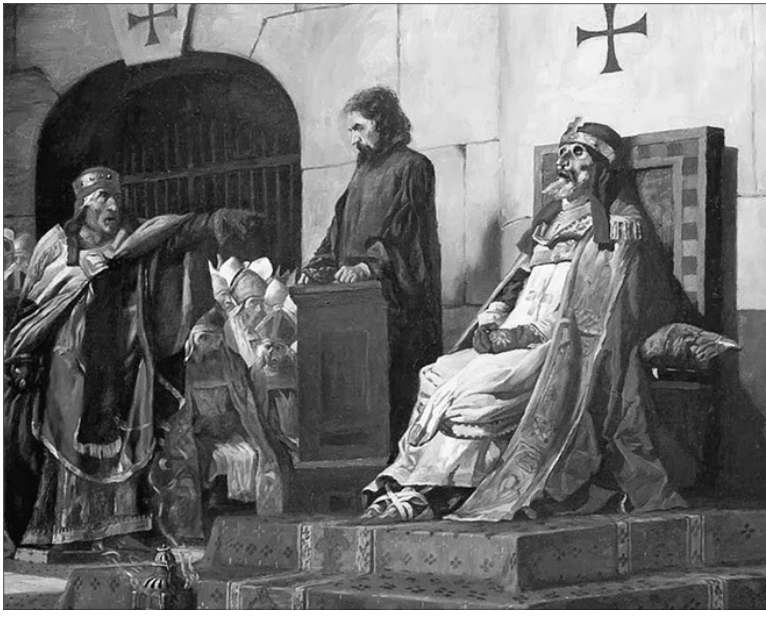
Трупный синод

Казалось бы, нет ничего реальнее судебного процесса. Одни люди тягаются с другими, а третьи их обвиняют, защищают и судят. Все, как говорится, вживую. Трупы фигурируют в суде разве что в качестве улик. Однако же случается, что и над останками производят суд и выносят свой вердикт, казалось бы, вполне нормальные люди. О таком самом громком церковном трибунале над эксгумированным трупом папы Формоза можно найти сведения в Католической энциклопедии и ряде других книг. Это событие осталось в истории церкви и в истории судебного права под названием «Трупный синод» (лат. synodus horrenda – жуткий синод). Судилище, состоявшееся в январе 897 г. в Латеране (папский дворец в Риме, до авиньонского пленения служивший резиденцией пап), по признанию самой католической церкви – «одно из самых неоднозначных в истории папства, вызвало раскол в церкви и дестабилизировало римский понтификат на рубеже IX и X столетий».

Богатая история Рима (а вместе с ним и Италии), его процветание и упадок были следствием нескончаемой борьбы партий, кланов, группировок. В конце IX в. здесь схлест-

нулись представитель итальянских сеньоров Сполето король Италии (891–898) Ламберт Сполетский и представитель немецкой линии династии Каролингов король Восточно-Франкского королевства (887–899) Арнульф Каринтийский. Нюанс их отношений состоял в том, что в 896–898 гг. они оба оказались коронованы императорами Запада (Римской империи) одним и тем же римским папой Формозом.

Не надо забывать, что в то время на территории Италии шла борьба не только между монархами, но и борьба каждого из них с римским папой, не чуждым притязаний на верховную власть как в отдельных княжествах, так и в Римской империи. Часто от позиции папы зависел исход борьбы противоборствующих сторон. Но еще в большей степени судьба папского престола была в руках претендентов на императорскую корону. Это объяснялось сильной экономической (да и политической) зависимостью постоянно меняющихся понтификов от чехарды властителей, в результате чего папство впало в глубочайший нравственный кризис, охвативший два постыдных периода: Трупного синода (897–904) и порнократии, правления блудниц (904–963).



Трупный синод. Гравюра по картине Жана-Поля Лорана. 1870 г.

Церковный иерарх Формоз (816–896) возглавлял в Риме пронемецкую партию, вознамерившуюся поставить императором немецкого короля. По смерти папы Стефана V Гвидо, герцог Ламберт Сполетский предложил в 891 г. в кандидаты на папский престол своего ставленника Сергия, но был выбран Формоз. Герцог не сдался и в том же году вынудил понтифика короновать его императором Запада. По свидетельствам современников, Формоз, мечтавший избавить

папский престол от ига Гвидонидов, до этого не раз разорявших Рим и не однажды отлучавшихся от церкви, «очень искусно держал себя во время неурядиц в Италии, даже притворился покровителем молодого Ламберта». Сам же тем временем тайно уговорил Арнульфа Каринтийского захватить Рим, что король и сделал осенью 895 г.

22 февраля 896 г. Формоз венчал Арнульфа императорской короной и подвиг его на вторжение в Сполетто (вотчину Гвидонидов). В походе монарха разбил паралич, и он вынужден был вернуться в свою резиденцию в Регенсбурге (Бавария), где и умер в конце 899 г. 80-летний понтифик не дождался освобождения Италии от ига Гвидонидов и 4 апреля 896 г. «при непроясненных обстоятельствах» отошел в мир иной.

После двухнедельного понтификата Бонифация VI, скоропостижно умершего якобы от подагры, папский престол занял Стефан VI, отпрыск клана Сполето. Стефан тут же восстановил власть Ламберта над Римом и в угоду ему устроил суд над Формозом, уже как 9 месяцев почившим в бозе.

В январе 897 г. по случаю прибытия в Рим Ламберта понтификом был созван торжественный собор, который и получил название Трупного. Синод заседал в Латеранской базилике.

Труп папы Формоза извлекли из могилы, облачили в папские уборы, посадили на трон – скамью подсудимых, а затем предъявили ему обвинения в узурпации Святого престола.

Суд не был «односторонним» – на все обвинения «отвечал» дьякон, стоявший за троном и подражавший голосу усопшего.

«Формозу вменялись… вероломство, переход с одной епископской кафедры (Порто) на другую (Рим) в обход установленного Никейским собором запрета, а также совершение им, мирянином, религиозных таинств. Кроме того, Формозу ставилось в вину венчание на царство «незаконнорожденного» Арнульфа при жизни законных императоров Гвидо (отец Ламберта, скончался в 894 г. – *В.Л.*) и Ламберта».

Дело в том, что Никейский собор запрещал епископам переходить с кафедры на кафедру; соответственно, римским епископом не мог быть избран епископ другого города. Формоз же, происходивший из аристократического римского рода, при Николае I Великом, самом значительном понтифике эпохи Каролингов, стал епископом Порто, обширнейшей территории северо-западнее Рима. Из-за конфликта с папой Иоанном VIII был отлучен от церкви по обвинению в попытке свержения понтифика. Реабилитировал «мирянина» папа Марин I.

Объявив избрание Формоза недействительным, судьи аннулировали и все принятые им постановления. С мертвеца сорвали папские одеяния, отрубили три пальца правой руки, которыми папа некогда благословлял паству. Затем труп поволокли по улицам на кладбище, где засыпали в братской могиле для чужеземцев. Вскоре кто-то выбросил останки в

Тибр. Скелет выловили через несколько месяцев рыбаки, и «в том же году папа римский Теодор II, владевший папским троном всего 20 дней, успел с почестями перезахоронить прах Формоза в соборе Св. Петра, аннулировать постановления «Трупного синода» и запретить судебные преследования покойников.

«Во время глумления над трупом Формоза Латеранский храм потрясло землетрясение, что вызвало его частичное обрушение. Это знамение пробудило в римлянах благоговейный ужас и возбудило всеобщее негодование против оскорбителей Формоза… Римская чернь взбунтовалась, папа Стефан был заточен в темницу и там удавлен».

Отголоски Трупного синода продолжались еще лет 10, в течение которых в Латеране «царствовали междоусобие, кровопролитие и террор» и сменилось семь пап, поочередно предававших своих предшественников анафеме и не всегда покидавших сию юдоль естественным образом.

Сегодня правление Формоза признано полностью законным.

Казнь юного короля

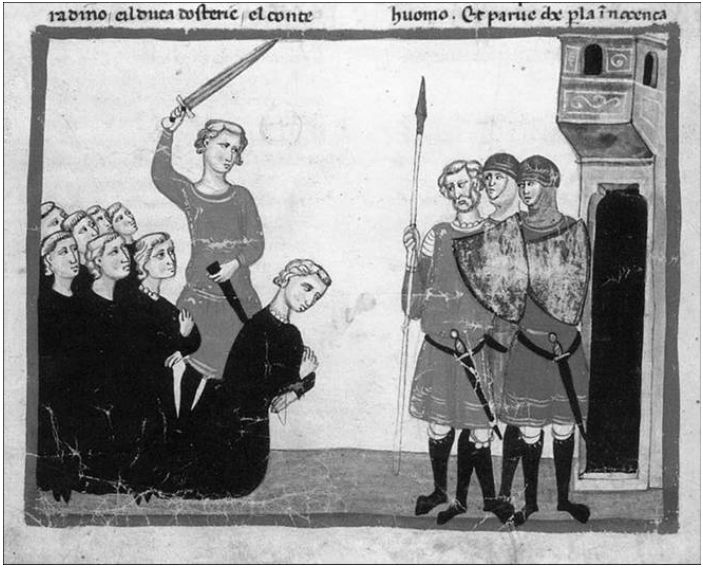
Конрадину Сицилийскому (1252–1268) судьбой предназначалось стать императором Священной Римской империи, но, увы, в 16 лет он принял смерть.

Последний законный отпрыск императорского дома Гогенштауфенов (1138–1254), правнук могущественного государя Фридриха I Барбароссы, внук великого полководца Фридриха II Гогенштауфена, юный Конрад был еще и пятым продолжателем трубадурской традиции династии. Своей невесте 9-летней Софии фон Мейсен певец посвятил стихи: «Чем мне поможет летний зной / И день, что весел безоглядно? / Весь свет мой в женщине одной, / Но дни проходят безотрадно. / Когда же милость мне она / Окажет, как ей подобает, / Жизнь станет радости полна»…

Это стихотворение внесено в Манесский кодекс – незаконченный поэтический сборник 1300 г. как песня «молодого короля Конрада». Конрадин успел еще «мальчиком» (так иногда называли красивого и элегантного титулярного короля Иерусалима и герцога Швабии) оставить яркий след в истории Европы.

Несмотря на юный возраст, Конрадин «по-взрослому» разбирался в чрезвычайно запутанной политической обстановке Европы тех лет. Конечно же, в этом помогали ему дядья и советники в возрасте.

Итальянские гибеллины (защитники императорской власти против папской) в 1267 г. предложили Конрадину вступить в законное владение отцовскими землями в Италии, захваченными после смерти его отца Конрада IV (1254) французским принцем Карлом Анжуйским. Загоревшись мыслью вернуть утерянный имперский трон, претендент собрал в кулак своих сторонников и убедил их на очень рискованное предприятие – идти через Альпы и Италию до Сицилии на узурпатора, за которым было мощное войско французских рыцарей, и на коварного римского папу Климента IV.



Казнь Конрадина в Неаполе на рыночной площади 29 ок-

тября 1268 г. Миниатюра XIII в.

Удивительно, что это смог сделать 15-летний отрок, который умел не только властвовать, но и очаровывать своих подданных. Хронисты называли его «львенком», «молодым орлом». И крайне прискорбно, что юношеский максимализм (что бы ему не подождать какое-то время и лучше подготовиться к походу!) привел его к гибели.

Нас в этой истории интересует прежде всего то, что последний из Гогенштауфенов погиб не в бою или от болезни и несчастного случая, а был обезглавлен по приговору суда. Для современников официальная публичная казнь помазанника Божьего была как гром среди ясного неба. Такого еще не случалось в просвещенной Европе. Но надо же было набираться опыта и в цареубийстве – и Средневековье успешно справилось с казнью поэта-херувима-короля на механической «Деве» – прообразе гильотины.

Судебный процесс и казнь Конрадина и по сей день считаются величайшим преступлением суда не только перед Богом, но и перед людьми – ведь так был пресечен самый могущественный императорский род в истории средневековой Европы.

Сведений о самом суде сохранилось мало, пожалуй, наиболее подробно они представлены в книге С. Рансимена «Сицилийская Вечерня».

Осенью 1267 г. Конрадин в сопровождении крупных

немецких феодалов и своего друга детства австрийского герцога Фридриха I Баденского повел 3000 рыцарей на Италию. Климент IV отлучил претендента на трон от церкви и «объявил анафему любому, кто будет способствовать избранию Конрадина императором, и любому, кто будет сопровождать его в итальянском походе». Позднее свои проклятия он подкрепил буллой. Принц не убоялся угроз папы и вскоре приобрел многочисленных приверженцев в Италии.

Выиграв в июле 1268 г. битву против французов в долине Арно, Конрадин вошел в Вечный город. «Въезд Конрадина в Рим 24 июля был встречен проявлениями истеричного энтузиазма. Никогда еще папский город не оказывал такой шумный прием общепризнанному врагу святейшего престола. Толпы встречали его хвалебными гимнами и осыпали его путь цветами. Улицы были украшены шелковыми и атласными полотнищами. Все были в праздничных нарядах. На Марсовом поле были устроены игры и шествия с факелами ночью. К юному королю, с его красотой и обаянием, относились почти как к богу» (С. Рансимен).

Победителю были оказаны императорские почести. Ему оставалось прибрать к рукам южную Италию (там тоже были недовольные политикой Карла) и Сицилию, где вообще разгорелось восстание.

Однако в решающей битве близ замка Тальякоццо (под Римом) 23 августа 3500 закаленных в боях французских рыцарей, во многом благодаря везению, победили смешанное

наемное пятитысячное войско Конрадина.

Юноша смог скрыться, но вскоре был выдан Карлу сеньором небольшого морского порта Астуру. Конрадина вместе с Фридрихом Баденским и другими знатными сторонниками доставили в Неаполь, где им Климентом и Карлом был уготован суд. Лицемерный папа, потребовавший «поголовного истребления рода Гогенштауфенов» (ему приписывают слова: «Жизнь Конрадина – смерть Карла, жизнь Карла – смерть Конрадина»), после казни Конрадина бил себя в грудь и всячески отрицал соучастие в убийстве.

Карл считал себя (и часто был таковым) приверженцем законности. Для расправы с пленным принцем нужен был закон. На новый закон всегда найдутся старые юристы – получив монарший приказ, они тотчас же подготовили обвинение против Конрадина. Оно было кратким: вторжение в Неаполитанское королевство – это акт разбоя и государственная измена. Таким же кратким был судебный процесс, вынесший приговор Конрадину, Фридриху Баденскому и еще 11 «конрадинцам»: виновны и приговариваются к смерти через отсечение головы.

29 октября 1268 г. Конрадин был обезглавлен на эшафоте на рыночной площади Неаполя на глазах у Карла Анжуйского и свиты.

«Перед смертью юный король объявил, что он не предатель, а человек, пришедший взять по праву королевство своих предков. Затем бросил в толпу свои перчатки и, попросив

Господа простить ему грехи, положил золотоволосую голову на плаху со словами: “Ах, мама, как сильна будет печаль твоя при таком известии!”… Елизавета Баварская спешила из Германии с большой суммой денег для выкупа, но опоздала» (Е. А. Сизова).

Процесс по делу тамплиеров

Одним из самых громких дел в истории правосудия является судебный процесс по делу тамплиеров (Ордена Храма), проходивший в христианских странах с 1307 по 1314 г. Материалы процесса исчезли вскоре после этих событий и, как предполагают, ныне хранятся в Ватикане. При всей прозрачности главной причины разгрома Ордена – желания обогатиться за его счет, были и другие основания.

Орден Храма был основан в Святой земле в 1118 г. после Первого крестового похода с целью защиты пилигримов в их паломничествах по святым местам на Ближнем Востоке, а также государств, созданных рыцарями в тех краях.

Наделенный римскими папами и европейскими государями значительными церковными и юридическими привилегиями, Орден получил во владение большие земельные угодья, на которых стал строить замки, соборы, церкви, дороги. Самые большие пожертвования тамплиеры получили во Франции, отчего Орден числился французским.

Допрос Жака де Моле. Гравюра XIX в.

В конце XIII в. христиане были изгнаны мусульманами из Сирии и Палестины, и тамплиеры вынуждены были заняться торговлей и ростовщичеством, в чем весьма преуспели. Орден с великим магистром во главе превратился в «государство в других государствах». В числе его должников были все – от крестьян до монархов и понтифика. При этом храмовники прославились и как благотворители.

Французский король Филипп IV Красивый в войнах с Англией, Священной Римской империей, Савойей увеличил французские владения, но при этом расточил королевскую казну и, будучи сам крупным должником Ордена, с трево-

гой и завистью следил за его успехами в политической и финансовой области. Филипп, как самый могущественный венценосец Европы, заявивший: «Король Франции не признает никого выше себя на земле», сильно опасался возможного объединения Ордена и римского папы Климента V, после чего ему поневоле пришлось бы поделиться с ними властью. И хотя понтифик был французом, ставленником монарха и его должником, Филипп по себе знал – в политике долги чаще всего не возвращают. Король поджидал удобного момента, чтобы пресечь реальную возможность этого объединения и заодно поживиться богатством Ордена. Притязания государя готов был поддержать и церковный клир, недовольный особым статусом Ордена – «подсудность лишь папской курии, изъятие из-под юрисдикции местных феодалов, освобождение от уплаты церковных налогов и др.».

Такой «случай» представился в 1307 г. Его провернул советник короля Гийом де Ногаре. Ногаре подготовил для правителя «случайный» донос о якобы грандиозном заговоре Ордена Храма против всех христианских монархий, его желании установить «мировую державу» под своей эгидой и о поклонении храмовников дьяволу. Филиппу фальшивка пришлась на руку. Одновременно советник распустил об ордене самые грязные слухи. Молва достигла ушей папы, и он отозвал Жака де Моле, магистра ордена, с Кипра в Париж. Тогда же Филипп провел тайные переговоры с Климентом V и настоял на проведении следствия в ордене.

В сентябре 1307 г. на Королевском совете было принято решение об аресте всех тамплиеров, находившихся на территории Франции. Ногарэ разослал секретные распоряжения чиновникам на местах о взятии под стражу рыцарей храма, с перечислением их преступлений. После тщательной подготовки операции единовременно, в 6 часов утра 13 октября 1307 г., именем Святой инквизиции были произведены аресты во всех командорствах (так назывались опорные поселения рыцарей, являвшиеся одновременно фермами и постоялыми дворами для паломников), уже без санкции понтифика. Были взяты все члены ордена, включая его магистра. В тот же день повсеместно вывесили объявления, в которых Филипп обвинял рыцарей-храмовников в отречении от Иисуса Христа, сатанизме, содомском грехе, идолопоклонстве, совершении черных месс, ереси и пр. Были и обвинения экономического характера – в лихоимстве, уклонении от уплаты налогов, махинациях с недвижимостью, скупке краденого, спекуляциях продуктами в неурожайные годы.

Инквизиторы и королевские слуги немедленно приступили к допросам и изуверским пыткам. На следующий день 136 из 140 тамплиеров, арестованных в Париже, дали признания своей вины, о чем тут же было оповещено население.

Узнав о незаконных арестах храмовников и о беззаконном призыве Филиппа к монархам Европы произвести расследование деятельности ордена, подвластного ему, понтифику, Климент V возмутился и… выпустил буллу с прика-

зом королям арестовать тамплиеров и конфисковать их земли и имущество, чем положил начало судебным процессам против тамплиеров в христианском мире. В Париж папа послал двух кардиналов, Беранжера Фредоля и Этьена де Сюизи, дабы те провели собственное расследование.

Узнав о прибытии папской комиссии, де Моле отказался от своих признаний и призвал к тому же всех членов Ордена. Папские легаты, допросив храмовников, свидетелей, королевских солдат, установили, что «тридцать тамплиеров умерло под пыткой, что все признания были вырваны у обвиняемых жесточайшим насилием и что поведение инквизиторов недостойно духовных лиц». Все это легло в основание доклада понтифику, после чего Климент V в феврале 1308 г. лишил инквизицию полномочий и объявил недействительной всю следственную процедуру против тамплиеров. Забрав дело в свои руки, папа несколько месяцев тормозил следствие, на что король «объявил, что будет содержать пленников, как и прежде, у себя, но от имени папы и за его счет».

В мае Филипп собрал Генеральные штаты – высшее сословно-представительское учреждение Франции, чтобы «заручиться их поддержкой и тем самым нейтрализовать любые возражения папы. Формально спор с Римом велся о том, кому надлежит судить тамплиеров, по существу же – о том, кто унаследует их богатства», хотя де-факто владения арестованных тамплиеров уже перешли в собственность короля.

Заседатели под суровым оком монарха «потребовали, чтобы тамплиеров покарали как можно суровее».

На последовавшей встрече короля и папы в Пуатье, Филипп припугнул понтифика разоблачением пороков и безбожия его предшественника, папы Бонифация VIII, что грозило и самому Клименту V быть объявленным лжепапой. В результате король принудил папу не прерывать дознание. Следствие продолжилось по двум направлениям: папская комиссия расследовала деятельность Ордена, а епископская – деятельность отдельных храмовников. Сам же понтифик, так и не встретившись с сановниками ордена, ограничился посылкой в Париж очередной делегации кардиналов.

Епископальные расследования проводились под контролем епископов, тесно связанных с французским престолом, с применением пыток, вследствие чего тамплиеры, как правило, повторяли свои первоначальные признания. На папской же комиссии храмовники, ведомые двумя священниками – Пьером де Болонья и Рено де Провеном, – убедительно защищали Орден, опровергая одно за другим все обвинения.

Увы, судьба Ордена уже была решена! Филиппу удалось «отдалить папство от Рима, введя его в сферу своего личного влияния», – Климент V в 1309 г. перевел (небескорыстно) свою резиденцию в город Авиньон (юг Франции), поставив себя тем самым в полную зависимость от французского короля и начав «авиньонское пленение пап».

В апреле 1310 г. 600 тамплиеров решили защищать Ор-

ден, полностью отрицая истинность вырванных у них инквизиторами в 1307 г. и епископами в 1309 г. признаний. Папа их не защитил, и 54 храмовника обвинили в повторной ереси, предали светскому суду и приговорили к сожжению на костре, что и было сделано в предместье Парижа. После этого тамплиеры уже голову не поднимали и вновь вернулись к своим первоначальным показаниям.

Деятельность трибунала продолжалась два года. Летом 1311 г. папа объединил свидетельские показания, полученные им из разных стран. Признания вины были вырваны у тамплиеров только во Франции, в других странах их вина не была доказана, хотя в Лотарингии, подвластной Филиппу, также пылали костры.

С 16 октября 1311 г. по 11 мая 1312 г. в Вьенне (под Лионом) был собран XV Вселенский собор, на котором папа потребовал роспуска Ордена, члены которого «в высшей степени обесчестили себя».

«Сто сорок епископов… оказались несговорчивыми. Нимало не веря в виновность тамплиеров… отцы собора единогласно постановили: обвиняемые должны явиться и выступать в свою защиту. Однако папа не поддержал этого решения; более того, он приказал схватить тамплиеров, сумевших, несмотря на его запрет, добраться до Вьенны». Церковники громко выражали свое недовольство, но прибытие на собор Филиппа в сопровождении войск, которые не намерены были выслушивать пустые дебаты, решило дело. Папа за-

ставил аудиторию молчать под страхом отлучения от церкви, и 3 апреля 1312 г. Орден тамплиеров (не осужденный!) был распущен буллой римского первосвященника. Все имущество Ордена передавалось госпитальерам. Спустя какое-то время король «изъял у госпитальеров крупную сумму денег в качестве судебной компенсации».

Храмовников осудили на различные сроки тюремного заключения. Руководство ордена предстало перед папским судом 18 марта 1314 г. Их приговорили к пожизненному тюремному заключению. «Великий магистр Жак де Моле и приор Нормандии Жоффруа де Шарнэ громко протестовали, отвергая все обвинения, и утверждали, что их святой Орден по-прежнему чист перед Богом и людьми. Король незамедлительно потребовал их осуждения как впавших в ересь вторично, и в тот же вечер они были сожжены на одном из наносных островков Сены, так называемом Еврейском острове».

Утверждают, что, «охваченный пламенем, де Моле, сколько хватало жизни, яростно кричал о своей невиновности, проклинал короля и папу и звал их за собой на Страшный суд:

– Мессиры, не пройдет и года, как я призову вас на Страшный суд!»

И впрямь, «легко можно обмануть церковь, но ни в коем случае нельзя обмануть Бога» (Годфруа Парижский). Через 8 месяцев отменно здоровый Филипп IV Красивый скончался

на 47-м году жизни от обширного инсульта. Что же касается Климента V, прославившегося симонией (продажей церковных должностей и духовного сана), а также непотизмом (кумовством), то сей «святокупец» «в ужасных судорогах» попал в восьмой круг ада (по Данте) еще раньше – через месяц после казни де Моле. «Наследство, оставленное Климентом своему преемнику Иоанну XXII (1316–1334), оценивалось в сумму, баснословную для тех времен, двух миллионов золотых гульденов».

P.S. Существует еще одна версия преследования Ордена, связанная с ересью, согласно которой Мария Магдалина была женой Иисуса Христа и после его казни родила дочь Сару, потомки которой якобы дали Франции династию Меровингов. Филипп IV – выходец из династии Капетингов, в 751 г. низложивших Меровингов, естественно, был озабочен намерением Ордена пропагандировать эту ересь и, как он опасался, использовать ее для его свержения. Понятно, что подобную точку зрения не могла принять и апостольская церковь Рима.

Герцог, потерявший голову и имя

Суд над своим высшим правителем – 55-м венецианским дожем Марино Фальеро (1274–1355) – стал одним из самых ярких эпизодов в истории Венецианской республики. В середине XIV в. это сильное государство на северо-востоке современной Италии со столицей в Венеции и россыпью колоний в Средиземноморье владычествовало на суше и на море, имея одного лишь достойного противника – Генуэзскую республику.

Управляли республикой аристократы, в зависимости от своей знатности, состояния и заслуг «расфасованные» по разным кабинетам власти. Большой совет из 1200–1300 представителей финансовой и родовой элиты Венеции формировал Сенат (120 человек), решавший оперативные вопросы внешней и внутренней политики, а также по затейливой 11-этапной процедуре избирал пожизненно главу государства – дожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.